

Свобода, равенство и братство средневековых крестьян

Жулев В. В.,
магистр философии (РГГУ),
wladislawking@gmail.com

Аннотация: Целью этой статьи является раскрытие ряда социально-политических представлений средневековых крестьян. В качестве материала исследования было взято сообщение Гильома Жюмьежского и более поздний рассказ Роберта Васа (Robert Wace) о восстании нормандских крестьян 977 г. Автор показывает, что реконструированные политические представления крестьянства во многом расходились с картиной социального мира клира.

Ключевые слова: восстание, свобода, эгалитаризм, феодализм.

*Als Adam grub und Eva spann,
wo war denn da der Edelmann?*¹

Когда в названии работы фигурирует столь мощный лозунг, то невольно встает перед глазами картина Э. Делакруа «Свобода на баррикадах», посвященная июльской революции 1830 года. Первый же поверхностный взгляд на это полотно схватывает символы 1789 года — фригийский колпак, символизирующий свободу и в то же время принадлежность к сторонникам революции, республиканский флаг и французский народ. Почему большинство французов конца XVIII — начала XIX в. так охотно приняли этот лозунг и были готовы умереть за республику? Типичный ответ на этот вопрос звучит так: французское просвещение, которое было наиболее республиканским по своему духу², создало почву для революции. Этот ответ, несомненно, содержит истину, однако идеи Вольтера, Руссо или Кондорсе были известны весьма узкой публике. Нам бы хотелось вновь вернуться к полотну Э. Делакруа и вспомнить основное название этой работы — «Свобода, ведущая народ». Именно народ является ключом к объяснению произошедших событий. В действительности идеи просветителей так или иначе коррелировали

¹ Когда Адам пахал, а Ева пряла,
Кто дворянином был тогда?

² Достаточно вспомнить, что среди деятелей французского Просвещения только Монтескье сомневался в возможности существования крупных республик, однако такие авторы, как Вальтер, Ж. Руссо, Ж. А. Кондорсе, Г. де Мабли, были критичны в своих оценках монархии и предпочитали республику. Интересно, что в то же время для немецкого просвещения республиканизм был не столь характерен, вместе с этим такие знаменитые философы, как Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, Ф. К. Мозер, И. Кант, не выступали против монархии. См. более подробно об этом в Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — С. 275–285.

с представлениями народа. В ином случае мы наблюдали бы ситуацию, которая была бы сходна с социально-политическим явлением, имевшим место в Российской империи в 60-е и 70-е гг. XIX в. и получившим название «хождение в народ». Это движение ясно показало, что леворадикальные идеи народников были оторваны от реальности и не возымели народной поддержки.

В этой небольшой статье мы постараемся показать, что лозунг революции 1789 года «Свобода, равенство и братство» не был чужд средневековому крестьянину. Может показаться, что автором была выбрана неудачная эпоха, разве Средневековье — это не время крепостничества и иерархии? Мы постараемся показать, что в действительности картина была гораздо сложнее. Поставленная задача таит в себе опасность, поскольку подобные лозунги, как и стоящие за ними ценности и идеи, грозят конструированием исторического события, а не описанием того, что, говоря словами Л. фон Ранке, было на самом деле. Поэтому из всей совокупности описаний крестьянских выступлений мы рассмотрим то, которое исключает множество равнозначных интерпретаций.

Речь пойдет о восстании крестьян в Нормандии 977 г. Об этом событии рассказывают два источника: книга каноника Васа (Wace) *Le Roman de Rou* и более ранняя хроника *Gesta Normannorum ducum* Гильома Жюмьежского. Оба автора сообщают следующее: во время правления герцога Ричарда II крестьяне Нормандии начали устраивать собрания, на которых решили, что дальше они будут жить по собственному усмотрению. Леса, водоемы должны стать общими для всех крестьян, а ограничительные законы герцога нормандского должны перестать действовать, т. к. на их смену приходят законы крестьян. Чтобы это требование было осуществлено, крестьяне постановили отправить от каждой части Нормандии двух избранных представителей на общее собрание, которое примет законы, распространяющиеся на все местные крестьянские собрания³. Следует заметить, что крестьяне Нормандии, как и большинство крестьян

³ Все сообщение о произошедшем уместается в несколько предложений: «Cum igitur tante probitatis exuberaret copiis, in initio sue juventutis, intra Normannicum ducatum contigit quoddam pestiferi oriri seminarium discidii. Nam rustici, unanimes per diversos totius Normannicae patriae comitatus plurima agentes conventicula, juxta suos libitus vivere decernebant, quatinus tarn in silvarum compendiis quam in aquarum commercii, nullo obsistente ante statuti juris obice, legibus uterentur suis. Quae ut rata manerent, ab unoquoque cetu furentis vulgi duo eliguntur legati, qui decreta ad mediterraneum ferrent corroboranda conventum Quod ut dux agnovit, protinus Rodulfum comitem cum militum multitudine illis destinavit, qui agrestem comprimeret ferocitatem et rusticam dirimeret contionem. Qui, non morans iussa, cunctos confestim legatos cum nonnullis aliis cepit, truncatisque minibus ac pedibus, inutiles suis remisit, que eos a talibus compescerent, et ne deteriora paterentur suis eventibus cautos redderent. Hiis rustici expertis festinato, contionibus omissis, ad sua aratra sunt reuersi». Guillaume de Jumieges *Gesta Normannorum ducum*, ed. J.Marx, Rouen u. Paris 1914, P. 73–74. Пер.: «Еще на заре своей юности он, тем не менее, изобиловал богатством благочестия. Герцогство Нормандское поразил возникший рассадник губительного раздора. Крестьяне единодушно решили на многочисленных собраниях по всей Нормандии жить согласно собственной прихоти, они сами приняли законы, чтобы никто не противостоял уменьшениям права пользования лесами, как и торговли по воде, тем самым не признавая ранее установленные привилегии. Чтобы эти законы остались постоянными, разъяренным народом были выбраны два посла, которые поддерживали решения на собрании всей страны. Когда герцог узнал об этом, он отправил графа Родульфа с отрядом воинов, чтобы тот усмирил наглость крестьян и разогнал деревенское собрание. Родульф не мешкая в согласии с повелением немедленно захватил всех посланцев и некоторых других людей — отрубив руки и ноги, он отослал искалеченных обратно, чтобы те обуздали остальных, показав то, что с ними сделали и предостерегли. Увидев это, крестьяне спешно покинули собрания и вернулись к своим плугам».

Европы, уже давно стали крепостными, поэтому их действия нельзя интерпретировать как «возмущение» или «восстановление старых прав» — это было крупное восстание против господства герцога Нормандии, имевшего полное право на предпринятые им ответные действия.

Можно предположить, что если бы это восстание завершилось успешно, то первой крупной крестьянской республикой стала бы не Швейцария, а Нормандия уже в X в. В этом коротком отрывке Гильом Жюмьежский изложил грубую модель представительной демократии, причем авторами ее были самые обыкновенные нормандские крестьяне X в.

Рассказ каноника Васа (Wace) более подробен. Так, он описывает тайные собрания крестьян, на которых они приняли решение считать каждого, кто является господином, своим врагом, а за этим последовала взаимная клятва⁴. Таким образом, крестьяне перестали признавать своих хозяев, аргументируя свое выступление тяжелым положением. На этом собрании один из крестьян якобы произнес: «Господа — это просто люди, как и мы. У них такие же конечности, да и тела не лучше наших» [Köhn R., 1991, S. 372]. Далее последовало предложение готовиться противостоять рыцарям и не бояться их, поскольку на стороне крестьян преимущество в их количестве⁵. Все это осуществлялось для того, чтобы спокойно заниматься своими делами — валить лес, ловить рыбу и прочее. Таковы были эти простые желания крестьян, однако на пути их исполнения непреодолимой преградой стал герцог Ричард II, который поручил своему дяде подавить восстание, что и было сделано с особой жестокостью.

Оба автора сообщают о том, что в крестьянской среде целого герцогства рождается коммуна — объединение, основанное на клятве, которое имеет свои политические институты — общее и региональные собрания крестьян, интересы которых выражают их представители. Эта коммуна строилась на принципах равенства и свободы всех людей и, таким образом, принципиально противостояла феодальному миру. Здесь следует задать несколько вопросов: что есть феодальный мир и насколько он противостоит духу коммун, может быть, наше противопоставление надуманно? Начнем с того, что феодальный мир не идентичен христианскому миру, о чем свидетельствует генезис первого. А. Я. Гуревич, как задолго до него М. Блок, видел причину феодализма в необходимости защиты, поскольку в осевших на территории Западной Римской империи германских племенах запустился процесс крушения общинного строя, что привело к установлению отношений личной зависимости между людьми⁶. Как видно, для исследователей феодализм — явление, чуждое эгалитаризму, однако возразят, что это лишь взгляд современной исторической науки, которая упускает ряд факторов, например, что христианство утверждает свободу всех людей, добавляют к этому и то, что зависимость всегда была договорная. Вне всяких сомнений, утверждение свободы в христианстве открывало

⁴ Köhn R. Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11–13. Jahrhundert) /J. Fried (Hg.). Die abendländische Freiheit von 10. Zum 14. Jahrhundert. Die Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im europäischen Vergleich. Sigmaringen, 1991. S. 371.

⁵ Ibid.

⁶ Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. — С. 294.

дорогу к эмансипации человека, однако следует заметить, что проблема заключается в неточном использовании терминов — под свободой в христианстве понимается концепция *liberum arbitrium* (свобода воли), таким образом, спасение находится в человеческих силах. Но требует ли *liberum arbitrium* определенного социально-политического порядка? Не уживалось ли христианство с рабством и монархией Римской империи? Еще раз подчеркнем, свобода воли для христиан затрагивает главным образом не политические и не социальные аспекты жизни человека, а вопрос будущей жизни, и решение этого вопроса не зависит от того, какое место занимает человек в социальной стратификации. При таком рассмотрении становится очевидно, что политическая свобода не играла большой роли — эту проблему мы не найдем ни у одного автора вплоть до XIII–XIV вв. Однако не будем голословными и обратимся к источникам. Исидор Севильский утверждает, что рабство (очевидно исключаящее политическую свободу) является следствием первородного греха⁷. Но не освободила ли нас от этого жертва Христа? На это Исидор отвечает, что, конечно, благодать крещения дарует прощение греха Адама и Евы, но *aequus Deus* разделил людей на рабов и господ, чтобы последние своей властью ограничивали зло, творимое подчиненными⁸. Не встречаемся ли мы здесь с объяснением складывающегося на глазах Исидора феодального мира, в котором прекрасно сочетаются христианство и подчинение? Добавим, что ни о каких «договорах», лежащих в основании подчинения, Исидор не упоминает, наличествует лишь установление христианского Бога. В сборнике *Ioca monachorum* мы можем найти вопрос: «*Quomodo vel quo ordine servi facti sunt?*», затем следует лаконичный ответ: «*De Cham*»⁹. Столь простая генеалогия крестьян говорит о многом, во-первых, как и у Исидора, в качестве обоснования данного *ordo* выступает не воля людей и не функциональная необходимость, о которой будут говорить авторы XIII–XIV вв. Во-вторых, выбор Хама в качестве прародителя крестьян (*servus*) сразу же указывает на подчиненный статус, ведь все сословие приобщено к греху Хама, а потому должно смириться с ролью подчиненных. В-третьих, нетрудно заметить, что статус крестьян в феодальном мире опустился практически до уровня рабов, о чем свидетельствует как словоупотребление, так и подобные обоснования. Нам представляется, что оценки исследователей, называющие эпоху феодализма временем господства светской и духовной аристократии над подчиненным, во многом бесправным населением, справедливы. Концепция *liberum arbitrium*, несомненно, была хорошо знакома клиру, однако это нисколько не мешало епископам оправдывать крепостную систему и иерархическое строение общества.

Отдельно стоит сказать о добровольной договорной зависимости. В действительности понятие договора (*pactum*) лежало в основании отношений между вассалом и сюзереном. Заметим, что оба относились к одному *ordo bellatoris*, что

⁷ «*Propter peccatum primi hominis humano generi poena divinitus illata est servitutis, ita ut quibus aspicit non congruere libertatem, his misericordius irroget servitutem*». *Patrologiae cursus completus. Tomus LXXXIII. Sancti Isidori Hispalensis*. J.-P. Migne. — Lutetia Parisiorum. 1850. P. 717.

⁸ «*Et licet peccatum humanae originis per baptismi gratiam cunctis fidelibus dimissum sit, tamen aequus Deus ideo discrevit hominibus vitam, alios servog constituens, alios dominos, ut licentia male agendi servorum potestate dominantium restringatur. Nam si omnes sine metu fuissent, quis esset qui a malis quempiam prohiberet?*» Ibid.

⁹ *Das mittellateinische Gespräch Adrian und Epictitus nebst verwandten Texten (Ioca Monachorum)*, hrsg. Walther Suchier. Tübingen. Max Niemeyer Verlag, 1955. S. 110. «*Servi quomodo vel quo ordine facti sunt? — Resp.: De Cham, de Noe patre suo risit*». Ibid. S. 116.

уравнивало их. Однако если мы посмотрим на отношения между королем и его вассалами, то описываемая форма будет характерна для более поздних времен (XI в.), до этого момента короли воспринимали графов, герцогов и прочих как служащих. Договор (растум), закреплявший права и обязанности двух сторон, являлся скорее результатом тонкой политики вассалов, игравшей на зависимости короля от их поддержки. Вальтер Ульман показал двусмысленность фигуры средневекового короля — помазанник божий и сюзерен — первый среди равных¹⁰. Первая точка зрения отстаивалась самим королем и клиром, вторая же хотя и не получила теоретического оформления, однако стала действительностью в Англии в начале XIII в. и закрепилась в «Великой хартии вольностей». Подчеркнем, что действия крупных английских феодалов привели к ограничению королевской власти и установлению правления короля совместно с баронами, т. е. горожане, свободные крестьяне и рыцари, сыгравшие значительную роль в выступлении, получили лишь несколько статей, но не доступ к управлению, т. е. феодальная реакция на политику Ионна Безземельного запустила процесс трансформации монархии, но не имела своей целью привести широкие слои населения к управлению королевством. Последующий союз горожан и рыцарей (к этому времени превратившихся из воинов в обыкновенных земельных собственников), как и их активные действия, повлекли за собой создание двухпалатного парламента¹¹.

Из вышесказанного следует, что необходимо делать более осторожные выводы из христианской свободы и договорной зависимости, поскольку эти феномены, как мы постарались показать, имеют много оговорок.

Возвращаясь к восстанию крестьян, отметим, что в своей хронике Гильом Жюмьежский акцентирует внимание на воле крестьян, которая противостоит законам герцогства. Крестьяне желают жить согласно собственной воле, т. е. самостоятельно вырабатывать законы, регламентирующие их жизнь.

Восстание нормандских крестьян некоторым исследователям кажется чистой выдумкой, которую сочинили два автора. Слишком современными представляются крестьяне X века, что позволяет Рольфу Кёну утверждать, что книгу Васа (Wace) следует рассматривать не как исторический источник, а как художественное произведение, которое говорит о бессмысленности крестьянских выступлений¹². Эту точку зрения сложно принять, в чем мы солидарны с О. Эксле, ведь использование терминов XII в. для

¹⁰ Ullmann W. *Principles of Government and Politics in the Middle Ages*. Abingdon, Oxon. Routledge, 2010. P. 96.

¹¹ В. Ульман также подчеркивал, что дальнейшие изменения не имели чисто феодальную природу, напротив, феодальные элементы теряли свое значение. Ibid. P. 115.

¹² «Любая попытка вычлнить историческое зерно из рассказа Васа остается безнадежной и провальной уже с самого начала. *Roman de Rou* — это не история, а литература, героический эпос. Короткое сообщение Гильома Жюмьежского едва ли дает представление о том, что случилось в Нормандии. Крестьянское восстание 997 г. остается химерой, т. е. мифическим и неопределенным. По крайней мере, как *Chanson de geste*, оно дает материал для приключения. И в этот раз оно не против драконов, дикарей и язычников, а против восставших крестьян. Потому следовало бы прочитывать этот эпизод из *Roman de Rou*, как рассказ о невероятном событии». Köhn R. *Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11–13. Jahrhundert) / Die abendländische Freiheit von 10. Zum 14 Jahrhundert. Die Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im europäischen Vergleich*. Sigmaringen, 1991. S. 173.

описания событий X в. не делает сообщение выдумкой¹³. Этот выбор терминов (*parlemenz* (парламент), *cunseilant* (совет), *serement* (клятва) и *cumune* (коммуна))¹⁴ зарождающихся городских коммун северной Франции, которые, несомненно, наблюдал Вас (Wace), для описания этого крестьянского восстания примечателен — автор видел в произошедшем родственное явление городским коммуна́м. С другой стороны, необходимо обратить внимание на то, что крестьяне объединились посредством клятвы, как это отмечает Вас (Wace). Такой способ объединения был распространен не только во время создания *Le Roman de Rou* (XII в.), хорошо известно, что еще в эпоху Каролингов крестьяне Фландрии и Нормандии организовывали *conjuratio* (заговор/клятва) с целью собственной защиты от набегов норманнов¹⁵. *Conjuratio* всегда предполагало добровольное включение в объединение равных друг другу людей, поскольку эта клятва имела взаимный характер. Хотя Гильом Жюмьежский не использует в своем сообщении слово *conjuratio*, однако он упоминает собрания крестьян, следует предположить, что именно на них крестьяне приносили друг другу клятвы и тем самым организовывали социально-политическое пространство вокруг себя.

Сообщение Гильома Жюмьежского и более поздний рассказ Васа (Wace) интересны в первую очередь тем, что оба автора сообщают о стремлении крестьян к политической свободе. Требования восставших не касались отмены какого-то конкретного закона герцога, ущемлявшего интересы крестьян. Вместо этого восставшие предприняли радикальный шаг — отказались признавать власть герцога и попытались установить собственную по всей Нормандии. На наш взгляд, здесь мы встречаемся с тем, что Исая Берлин в своем знаменитом эссе «Два понимания свободы» назвал позитивным понятием свободы, которое означает автономию человека, т. е. выход из состояния объекта воздействий другого, таким образом, человек становится субъектом, самостоятельно выбирающим свои цели¹⁶. Именно эта свобода была, как показывает

¹³ Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с немецкого и предисловие Ю. Арнаутовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — С. 137.

¹⁴ «*Unt tenu plusurs parlemenz*». «*Tel(e) parole vunt cunseilant*» *Maistre Wace's Roman de Rou et Des ducs de Normandie*. / Nach den Handschriften von Neuem herausgegeben von Dr. Hugo Andresen. Band 12. Teil III. Heilbronn. Verlag von Gebr. Henninger. 1879. S. 62. «*Alium nus par serement*» *Ibid.* S. 64. «*Ke uilein cumune faseient*» *Ibid.* S. 65.

¹⁵ «*Coniurationibus servorum quae fiunt in Flandris et Menpisco et in caeteris maritimis locis volumus utper missos nostros indicetur dominis servorum illorum, ut constringant eos, ne ultra tales coniurationes facere praesumant; et ut sciant ipsi eorundem servorum domini, quod, cuiuscumque servi huiusmodi coniurationem facere praesumpserint postquam eis haec nostra iussio fuerit indicata, bannum nostrum, id est sexaginta solidos, ipse dominus persolvere debeat*». *Capitula missorum* // *Monumenta Germaniae Historica, Capitularia regum Francorum*. T. I. Hannover, 1883. S. 301. Пер.: «Клятвенные объединения крестьян, которые возникли во Фландрии, Менписко и в других прибрежных местах, мы повелеваем, чтобы наше послание было объявлено господами своим крестьянам, чтобы обуздать их (крестьян), чтобы впредь не существовали подобные клятвенные объединения, и чтобы знали сами господа этих крестьян, что если крестьяне создадут клятвенное объединение после того как это наше постановление станет объявленным, то наш штраф, равный 60 солидов, должен оплачиваться самим господином». Более подробно об этом см.: Oexle O. G. *Gilden als soziale Gruppen in der Karolingerzeit* / H. Jankuhn u. a. (Hg.). *Das Handwerk in vor- und frühgeschichtlicher Zeit. Teil I: Historische und rechtshistorische Beiträge und Untersuchungen zur Frühgeschichte der Gilde*. Göttingen, 1981.

¹⁶ Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. *Философия свободы*. Европа / Предисловие А. Эткинда. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — С. 136. И. Берлин связывал позитивное понятие свободы главным образом с политикой: «Позитивный» смысл понятия «свобода» появляется тогда, когда мы пытаемся ответить на вопрос: «Кто мной правит?» или «Кто вправе сказать, что я должен делать именно это и быть именно таким?» Там же. С. 135.

хроника Гильома Жюмьежского, известна средневековым крестьянам. Эгалитарный момент восстания удачно выразил Вас (Wace) в уже процитированном выше отрывке: «Господа — это просто люди, как и мы. У них такие же конечности, да и тела не лучше наших». Эту реплику крестьянина можно сравнить со словами аристократа XVIII в. Габриэля де Мабли: «Я думаю, что люди вышли из рук природы совершенно равными, а следовательно, без прав одних над другими. Природа не создала королей, правителей, подданных, рабов — это очевидно...»¹⁷ Идея братства нашла свою реализацию в основании посредством клятвы коммун — объединения равных, о чем сообщает каноник Вас (Wace).

Таким образом, крестьяне Нормандии попытались радикально изменить социально-политическую реальность, руководствуясь тремя ключевыми понятиями — свобода, равенство и братство. Следует предположить, что подобные настроения не были чужды крестьянам и горожанам последующих эпох, в действительности зачастую крупные народные выступления, такие как Парижское восстание 1356–1358 гг., восстание Уолта Тайлера 1381 г., восстание Джека Кэда 1450–1451 гг. или удачное восстание швейцарских кантонов против власти Габсбургов, объединяли широкие слои населения для преобразования политического устройства. Конечно, редко приходится говорить о программных документах и четких целях восставших, более того, радикальность выступлений всегда варьировалась, тем не менее можно утверждать, что для большинства крупных восстаний была характерна борьба за позитивную, политическую свободу и тесно связанный с ней эгалитаризм. Именно в Средневековье родился принцип «нет налогов без представительства», как и сама идея политической репрезентации, ставшая одним из столбов современной демократии.

Мы неслучайно выбрали крестьянское восстание 977 года, поскольку время городов еще не пришло, но именно крестьяне в XI–XII вв. пополнят городское население и привнесут в города известные им формы консолидации и политические представления. Французский историк Жак Ле Гофф в статье «В поддержку долгого Средневековья» отстаивал идею, согласно которой с VI по XIX в. ментальность большинства европейцев не претерпевала серьезных изменений¹⁸. С этой позицией можно спорить, однако в ней есть один бесспорный момент — общество консервативно, и некоторые представления, апробированные временем, передаются поколениям. Именно к таким представлениям следует отнести свободу и эгалитаризм — наследие, ставшее лозунгом нового мира.

Литература

1. Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинса. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — С. 122–185.

¹⁷ Мабли Г. О правах и обязанностях гражданина // Мабли Г. Избранные произведения. — М.: Изд-во. АН. СССР. 1950. — С. 220.

¹⁸ Ле Гофф Ж. В поддержку долгого Средневековья // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. — С. 31–38.

2. Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007. — 352 с.
3. Ле Гофф Ж. В поддержку долгого Средневековья // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. — М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. — С. 31–38.
4. Мабли Г. О правах и обязанностях гражданина // Мабли Г. Избранные произведения. — М.: Изд-во. АН. СССР. 1950. — 340 с.
5. Res Publica: Русский республиканизм от Средневековья до конца XX века. Коллективная монография / Под ред. К. А. Соловьева. — М.: Новое литературное обозрение, 2021. — 824 с.
6. Эксле О. Г. Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / Пер. с немецкого и предисловие Ю. Арнаутовой. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 360 с.
7. Das mittellateinische Gespräch Adrian und Epictetus nebst verwandten Texten (Joca Monachorum), hrsg. Walther Suchiert. Tübingen. Max Niemeyer Verlag, 1955. 144 S.
8. Guillaume de Jumieges Gesta Normannorum ducum, ed. J. Marx, Rouen u. Paris 1914. 418 p.
9. Köhn R. Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11–13. Jahrhundert) // J. Fried Die abendländische Freiheit von 10. Zum 14 Jahrhundert. Die Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im europäischen Vergleich. Sigmaringen, 1991. S.–325–387.
10. Maistre Wace’s Roman de Rou et Des ducs de Normandie. / Nach den Handschriften von Neuem herausgegeben von Dr. Hugo Andresen. Band 12. Teil III. Heilbronn. Verlag von Gebr. Henninger. 1879. 827 S.
11. Monumenta Germaniae Historica, Capitularia regum Francorum. T. I. Hannover, 1883. 461 p.
12. Patrologiae cursus completus. Tomus LXXXIII. Sancti Isidori Hispalensis. J.-P. Migne. — Lutetia Parisiorum. 1850. 1380 p.
13. Ullmann W. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. Abingdon, Oxon. Routledge, 2010. 238 p.

References

1. Berlin I. “Dva ponimaniya svobody” [Two Concepts of Liberty], in: I. Berlin, *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of liberty. Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, pp. 122–185. (In Russian.)

2. Das mittellateinische Gespräch Adrian und Epictitus nebst verwandten Texten (Joca Monachorum), hrsg. Walther Suchier. Tübingen. Max Niemeyer Verlag, 1955. 144 S.
3. Guillaume de Jumieges Gesta Normannorum ducum, ed. J. Marx, Rouen u. Paris 1914. 418 p.
4. Gurevich A. Ya. *Izbrannye Trudy. Drevnie germancy. Vikingi* [Selected Works. Ancient Germans. Vikings]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 2007. 352 p. (In Russian.)
5. Köhn R. Freiheit als Forderung und Ziel bäuerlichen Widerstandes (Mittel- und Westeuropa, 11–13. Jahrhundert) // J. Fried Die abendländische Freiheit von 10. Zum 14 Jahrhundert. Die Wirkungszusammenhang von Idee und Wirklichkeit im europäischen Vergleich. Sigmaringen, 1991. S. 325–387.
6. Le Goff J. “V podderzhku dolgogo Srednevekov'ya” [In support of the long Middle Ages], in: J. Le Goff, *Srednevekovyj mir voobrazhaemogo* [Middle Ages world of the imaginary]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 2001. pp. 31–38. (In Russian.)
7. Mably G. “O pravah i obyazannostyah grazhdanina” [Concerning the Rights & Duties of the Citizen], in: G. Mably, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Izd-vo. AN. SSSR. 1950. 340 p. (In Russian.)
8. Maistre Wace's Roman de Rou et Des ducs de Normandie. / Nach den Handschriften von Neuem herausgegeben von Dr. Hugo Andresen. Band 12. Teil III. Heilbronn. Verlag von Gebr. Henninger. 1879. 827 S.
9. Monumenta Germaniae Historica, Capitularia regum Francorum. T. I. Hannover, 1883. 461 p.
10. Oexle O. G. *Dejstvitel'nost' i znanie: ocherki social'noj istorii Srednevekov'ya* [Reality and Knowledge: Essays on the Social History of the Middle Ages], trans. by Yu. Arnautova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 360 p. (In Russian.)
11. Patrologiae cursus completus. Tomus LXXXIII. Sancti Isidori Hispalensis. J.-P. Migne. — Lutetia Parisiorum. 1850. 1380 p.
12. *Res Publica: Russkij respublikanizm ot Srednevekov'ya do konca XX veka. Kollektivnaya monografiya* [Res Publica: Russian republicanism from the Middle Ages to the end of the 20th century. Collective monograph], ed. by K. A. Solov'ev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 824 p. (In Russian.)
13. Ullmann W. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. Abingdon, Oxon. Routledge, 2010. 238 p.

Liberty, equality and fraternity of medieval peasants

Zhulev V. V.,
Master of Philosophy (RSUH),
wladislawking@gmail.com

Abstract: The purpose of this article is to reveal a number of socio-political ideas of medieval peasants. As material for the study, the report of Guillaume de Jumièges and the later story of Robert Wace about the uprising of the Norman peasants in 977 were taken. The author shows that the reconstructed political ideas of the peasantry largely diverged from the picture of the social world of the clergy.

Keywords: uprising, liberty, egalitarianism, feudalism.